

Сделка

Автор:

Людмила Волок

Сделка

Людмила Борисовна Волок

Часто мы даже не догадываемся о том, насколько хрупка и насколько бесценна наша жизнь. И иногда только страшное горе может заставить нас вырваться из привычного круга и понять, чего мы на самом деле хотим, что в жизни самое главное. Страшная неизлечимая болезнь навсегда поменяла жизнь целой семьи. Пытаюсь сделать счастливым своего ближнего в последние дни, они готовы даже на обман. Но все тайное становится явным, а когда речь идет о настоящих чувствах, ложь может оказаться фатальной... Книга «Сделка» Людмилы Волок – это история большой жизненной трагедии, но вместе с тем, это ода жизни, счастью и любви, неподвластной времени и смерти, жизнеутверждающая и вдохновляющая история борьбы и победы.

Людмила Волок

СДЕЛКА

Все события, названия, имена и персонажи являются вымышленными, а любые совпадения – случайны.

Глава 1

– Три месяца. – Заведующий отделением произнес эти слова так, как нужно: с сочувствием и одновременно с обреченностью в голосе. Он не раз говорил подобные фразы родственникам больных. Формулировки иногда менялись: «Максимум – неделя», «В лучшем случае – год», «Можно рассчитывать еще лет на пять»... Онкологи не выносят смертельный приговор, они лишь озвучивают решения судьбы.

«Решения судьбы. Можно сказать: судебные решения? Надо же, какая причудливая игра слов», – рассеянно думала Вера Николаевна, сидя на жестком стуле в унылом кабинете врача.

Здесь почти ничего не изменилось за время, которое прошло с ее первого визита (правда, тогда она его посетила совсем по другому поводу): тот же типично больничный зеленоватый цвет стен, скромная мебель. Разве что добавилась микроволновка поверх старенького холодильника. Наверное, в онкологии тоже кто-то иногда выздоравливает, если врачи получают подарки. Хотя, может, он сам печку купил? Хоть какую-то зарплату врачи ведь получают... Размышления милостивой, ухоженной, еще не старой, хотя все же пожилой (может, из-за следов усталости и отчаяния на лице) женщины были обыденными; она словно пыталась защититься с их помощью от реальности. Воспоминания – хотя бы на несколько мгновений – показались лучшим убежищем от услышанной жуткой правды.

Впервые Вера Николаевна побывала в этом кабинете пять лет назад, движимая любопытством с пикантным привкусом опасности.

Верочка всю жизнь боролась со своим отменным аппетитом. Как правило, аппетит брал верх. И лишь после пятидесяти она вдруг начала худеть – то ли климакс виноват, то ли то, что она перестала выходить замуж, и, следовательно, разочаровываться в мужьях, сопровождая очередное разочарование стахановскими «кухонными вахтами». Так ее зять Александр (муж единственной Верининой дочери Анжелики) именовал кулинарные изыски ужасающих объемов, которые Вера Николаевна начинала печь, варить, тушить и запекать, практически не приходя в сознание, после очередного развода. Безумие обычно длилось месяца три, пока и сама Вера, и ее гости, которых она усиленно приглашала на «кулинарные сезоны», не набирали дополнительный вес в

прямом смысле этих слов. Тогда Верин энтузиазм постепенно сходил на нет, чего не скажешь о килограммах.

Однако поначалу, обнаружив изменение силуэта в сторону размеров времен студенческой молодости, Вера Николаевна заволновалась. В голову закралась мысль о смертельной болезни. Но поскольку Вера не привыкла прятаться от проблем, то немедленно позвонила своей подруге Леночке:

- Ленка, у тебя вроде тетка в институте онкологии работает? – деловито поинтересовалась Вера.

- Правда! – радостно сообщила подруга. – Только не тетка, а двоюродный брат. Теткин сын, то есть. А тебе зачем? – насторожилась Лена.

- Слушай, а он хороший врач? – проигнорировала Вера вопрос.

- Да, вроде, хороший. Все хвалят, и на доске почета он постоянно красуется. Продвинутый, по конференциям за границу постоянно мотается. Отделением заведует уже пятый год, больные в очереди стоят. Так зачем тебе?

- Лен, устрой, пожалуйста, встречу. Что-то я худеть начала ни с того, ни с сего...

Ленкин брат, Максим Леонидович, оказался среднего роста мужчиной в самом расцвете сил, с импозантной сединой в густых, темных, слегка вьющихся волосах. Вера всегда питала слабость к медицинским работникам и мужчинам в очках. Максим Леонидович сочетал в себе и то, и другое, но Вера Николаевна усилием воли подавила искушение заявить ему при первой же встрече, что он похож на ее пятого мужа. В смысле, потенциального, потому что всего мужей у нее было четыре.

Вместо этого, когда врач поинтересовался, на что же такая привлекательная дама жалуется, она заявила:

- Худею. Причем без всяких усилий с моей стороны.

- Почему вас это смущает?

– Потому что раньше я всегда без усилий толстела. А теперь наоборот!

Доктор улыбнулся, порасспрашивал Веру еще об особенностях жизнедеятельности ее организма и самочувствии, заявил, что страхи эти, скорее всего, напрасны, но ради успокоения велел сделать кучу анализов. Посмотрел на результаты и остался доволен:

– У Вас, Вера Николаевна, здоровье – хоть в космос запускай. А похудение, очевидно, вызвано психосоматическими либо гормональными причинами в силу определенных физиологических изменений, свойственных возрасту.

Несмотря на то, что врач так ловко и деликатно обошел слово «климакс», Вера на «силу возраста» все же обиделась, поэтому штурм Максима Леонидовича свернула, не успев даже как следует начать боевые действия. И в подробности этих самых причин похудения вдаваться не стала. Здоровая – и здоровая, тем более, что ее новая «старая» девичья фигура страшно радовала. Правда, разум не помутился настолько, чтобы начать носить мини, но элегантные облегающие платья стали теперь ее нормой жизни.

И вот спустя пять лет Вера снова сидела в кабинете того же врача. Но теперь ей было не любопытно, а страшно. Аня, ее единственная внучка, свет в окошке – умирала.

* * *

Это началось около месяца назад, в самом начале сентября. Анжелики с мужем не было – отправились на пару недель развлечься в Монако. Аня вернулась домой после занятий в университете. На удивление медленно подрулила к гаражу на своей серебристой «зетке» – обычно девушка делала лихой вираж, каждый раз срывая аплодисменты встреченных во дворе зрителей, чаще всего садовника или бабушки. Девушка прекрасно водила машину.

Отец подарил ей BMW на двадцать первый день рожденья. В их семье подарки принято было вручать с самого утра, чтобы сразу создавать праздничное настроение имениннику на весь день. Аня спустилась к завтраку, и после бурных поздравлений всех домашних Александр Петрович торжественно заявил:

– Теперь ты полностью совершеннолетняя, если исходить из американских стандартов. Так что – держи!

И гордо протянул дочери ключи от машины.

Аня завизжала от восторга и порывисто обняла отца:

– Папочка, дорогой! До чего же ты у меня замечательный! Спасибо! Можно, я прямо сейчас?...

– Ну, конечно! – засмеялся Александр Петрович. – Она возле парадного входа.

Аня выбежала на улицу, за ней – вся семья, полюбоваться подарком. Аккуратная блестящая машинка была перевязана огромным бантом. Аня с маминой помощью сняла его и тут же сделала круг почета вокруг центральной клумбы. Анжелика томно проворковала:

– Алекс, слишком балуешь девочку. Правда, она так хотела машинку... Знаешь, я бы тоже свою обновила!

– Ликуся, ты же на ней еще и года не ездешь! – поразился Александр Петрович.

– Но она мне уже надоела! – надула силиконовые губки Анжелика, а Вера Николаевна лишь покачала головой.

...В тот злополучный день Вера как раз обрезала в саду розы, хотя садовник Гриша роптал, думая, что ему не доверяют, и с обиженным видом ходил за Верой Николаевной, приговаривая: «Все сами и сами. А мы что ж, не так делаем?». Вера же просто обожала возиться с цветами. Она срезала несколько любимых, желто-розовых, уже распустившихся бутонов, чтобы поставить в столовой, и досадливо отмахнулась от Гриши. Увидела внучку:

– Анечка, здравствуй, моя дорогая! Как успехи?

– Что-то у меня голова болит – пойду, прилягу, – Аня и впрямь выглядела неважно – бледная, под глазами круги.

Девушка и раньше жаловалась на головную боль – в последнее время она возникала слишком часто, и Аня подолгу лежала в кровати, устало прикрыв глаза. Вера Николаевна беспокоилась и говорила, что надо сходить к врачу. Лика же считала, что дочь просто слишком много времени проводит за учебниками и книгами, поэтому никто в поликлинику не торопился.

Аня вышла из машины и вдруг неловко оперлась одной рукой на капот. Вера сунул букет Грише и бросилась к внучке. Аня испуганно прошептала:

– Бабушка... Мне... – и упала на землю.

– Гриша, скорую, немедленно!

Садовник побежал в дом, а Вера опустилась на колени возле Ани. У внучки начались судороги. Вера держала ее голову и все время повторяла:

– Аня, Анечка... Аня, Анечка...

Напуганная Гришей, выбежала горничная Света и запричитала:

– Да что же это, а? Что делать-то, господи?

– Воды принеси, – отрывисто скомандовала Вера.

– Скорая будет минут через десять, – доложил подоспевший Гриша и остановился, не зная, что делать дальше.

Судороги прекратились. Вера смочила водой Анины виски. Девушка медленно открыла глаза и попыталась сесть. Вера обняла внучку, и они так и дождались скорую, сидя на нагретом сентябрьским солнцем тротуаре – Вера гладила Аню по голове, как маленькую, и приговаривала:

– Девочка моя дорогая, все будет хорошо...

Но хорошо не стало. В машине скорой Аню вырвало, и от тревоги, которая читалась в глазах врача скорой, у Веры Николаевны похолодело в груди и сжалось сердце.

* * *

Через несколько часов Ане стало чуть легче, но домой ее, конечно, не отпустили. Вера Николаевна решительно заявила, что никуда не уедет, и ей позволили провести ночь в кресле, стоявшем в углу Аниной отдельной палаты.

Обследования заняли весь следующий день. В солидной частной клинике, куда привезли Аню, было самое современное оборудование и прекрасные специалисты, но в конце дня лечащий врач вызвал Веру Николаевну в кабинет и сообщил, что нужно ехать в другую больницу:

– Боюсь, у меня очень плохие новости. У Вашей внучки подозревается опухоль мозга.

Вера с ужасом взглянула него:

– Что? Рак...? У Ани?!

– Мне очень жаль. Вам необходимо как можно скорее, я бы сказал – немедленно, обратиться к онкологам. У меня есть хороший друг, один из лучших специалистов в этой области – Максим Леонидович Смирнов, я позвоню ему и выпишу направление. Надеюсь, он сможет чем-то вам помочь.

Он говорил слова утешения, хотя понимал: то, что он увидел на снимке, даже без специальных знаний квалифицируется как одна из последних стадий рака.

Вера набрала номер Смирнова, и он ее на удивление быстро вспомнил.

– Здравствуйте, Максим Леонидович! Это говорит Вера Ляшкова, я у вас была несколько лет назад на приеме. Внезапное похудение...

– А как же, помню вас прекрасно! Вы ведь тогда так и не пришли на профилактический осмотр, и я, признаться, расстроился. Как у вас дела? Надеюсь, все в порядке?

– Нет. Все очень не в порядке. Внучка... – и Вера, не сдержавшись, заплакала в трубку.

Врач промолчал.

– У нее подозревают опухоль мозга, – взяла себя в руки Вера. – Нам вас порекомендовал врач из клиники «Целитель», Карташов его фамилия.

– Вера Николаевна, приезжайте сейчас, я вас жду, – Смирнов сразу стал серьезным.

Он задумчиво положил мобильный телефон на стол и подошел к окну. Начиналась осень, которую он так любил – в юности девушкам чрезвычайно нравилась его фраза: «Скоро осень, наше с Александром Сергеевичем любимое время года». Девушки все сплошь были увлечены неоромантизмом «а-ля шестидесятые», и осенние прогулки под аккомпанемент модных стихов по шуршащей листве, под пронзительным синим небом были очень концептуальны. Девушки падали в объятия молодого Смирнова щедрыми охапками, совсем как осенние листья.

Когда Вера пришла к нему впервые, тоже стояла ранняя осень. И он тогда подумал, что это символично – женщина, – пациентка! (он раньше никогда не позволял себе увлечься пациенткой), остроумная и изящная, которая так поразила его, пришла именно осенью. Призрачное обещание поздней, последней любви. А она взяла и исчезла.

И вот – теперь появилась, но, боже мой, какой печальный повод для встречи...

Вера приехала с внучкой через три часа после звонка. Водитель завез их домой, и Аня собрала некоторые вещи – бабушка настояла:

– Анечка, возможно, придется провести в больнице несколько дней, поэтому лучше тебе самой решить, какую одежду взять, книги там, еще что-то...

– Бабуля, ты ведь так ничего и не сказала. Что со мной? – сердито говорила Аня, пока они ехали в машине. – Врачи все тоже молчат, словно воды в рот набрали! И к чему такая спешка? Куда мы теперь должны переезжать? Может, у меня

обычное переутомление!

Вера промолчала. Она отчаянно трусила. Увидев табличку «Институт онкологии», Аня обо всем догадается. Может, подъехать другой дорогой? И заплатить персоналу отделения, чтобы они отвечали на Анины расспросы, что она находится, к примеру, в реабилитационном центре для переутомившихся студенток? А заодно подкупить пациентов и посетителей? Ага, «Чьи поля? – Маркиза Карабаса!»

М-да, Вера Николаевна была дамой решительной, но на kota в сапогах явно не тянула. Поэтому лихорадочно сочиняла правдоподобную версию, почему они отправляются именно в это медицинское учреждение.

– Вера, помнишь, я когда-то худеть начала? Ну, ни с того, ни с сего...

– А как же! – засмеялась Аня. Они тогда много по этому поводу шутили – мол, незамужняя жизнь снова превратила бабушку в девушку.

– Я тогда прекрасного врача нашла, доктора Смирнова. У них великолепная диагностическая база, и он сейчас предложил госпитализировать тебя в его отделение – исключительно для углубленного обследования. Ведь мы так до сих пор ничего не выяснили. Аня, это временно! – почти закричала Вера Николаевна, увидев, как побелело и напряглось Анино лицо.

Дома Аня пожелала еще выпить чаю в своей комнате. Она включила тихую музыку, опустилась в кресло и словно прощалась со своими вещами, воспоминаниями, своим прошлым – своей жизнью. У нее снова болела голова, начало подташнивать. Ей было страшно, потому что Аня знала: бабушка совершенно бессовестно врет. Конечно, это «ложь во спасение», но никто не ложится в онкологию, чтобы сдать анализы. Да и вообще, нашли кого обманывать: студентку четвертого курса биофака! Все же она решила не показывать, что подозревает, какие истинные причины госпитализации.

– Поехали, я готова, – сказала Аня, возникнув с небольшой сумкой перед Верой.

В отделении их уже ждали: платная палата оказалась вполне сносной, и на тумбочке даже стояли свежие цветы.

– Только обследования, ничего страшного, – повторила Вера, когда Максим Леонидович зашел в палату. Он уже был посвящен в план молчания, но знал, что из этого ничего не выйдет: больные очень быстро узнают, что за болезнь разрушает их тело.

– Ну что ж, значит, будем обследоваться, – нарочито весело согласилась Аня. Поднялась с кровати – и упала на пол.

* * *

Аню привели в чувство, и начались диагностические процедуры. Вместе с ожиданием в очередях они заняли несколько часов, и девушка, вконец вымотавшись, уснула.

Вера отправилась в больничный сквер – собраться с мыслями. Она сидела на скамейке и думала, где взять мужества рассказать родителям Ани о ее болезни. Какими словами?! Причем ее занимали не столько переживания родной дочери, как реакция зятя: боялась, что тот сразу свалится от инфаркта.

Вера, будучи в молодости весьма романтичной особой, назвала дочку самым модным по тем временам именем – Анжелика, королевски непривычным для советских граждан, изрядно взбудораженных серией фильмов о прекрасной маркизе ангелов.

С молодых ногтей Лика оправдывала свое имя: мало того, что от природы была красавицей, но еще и все усилия направляла на совершенствование своих данных. Длинные золотистые вьющиеся волосы не позволяла стричь ни за что, даже когда у нее в пятом классе завелись вши (впрочем, как и у большинства одноклассников). Вера тогда чуть ли не на коленях с ножницами стояла:

– Анжелочка, детка, давай отрежем. Волосы – не зубы, вырастут новые. А если мы насекомых не выведем, то кому твоя красота негигиеническая нужна!

– Нет! Лучше вши, чем стрижка! – отчаянно вопила Ликуся.

Вши явно обрадовались, потому что из золотистых зарослей на Ликиной голове выводиться никак не хотели, несмотря на то, что голова мылась через день

вонючим дустовым мылом. Потом Вера, отчаявшись, рискнула применить «эффэтивный мэтод» соседки Розы Давидовны – обильно смочить волосы керосином, завернуть в полотенце и в этом виде провести незабываемую ночь. Ли́ка мужественно вынесла таковых целых три, и с насекомыми было покончено.

С тех пор стало понятно, что на алтарь красоты Ли́ка принесет все. Естественно, она ждала награды – не обязательно маркиза, но, по крайней мере, отличного парня с квартирой, машиной, дачей и прочими атрибутами советской роскоши.

Чтобы облегченно произнести знаменитое «Сидела, сидела, да и высидела», ей не пришлось, подобно Проне Прокоповне, слишком долго ждать своего щеголя-цирюльника. К восемнадцати годам Ли́ка так расцвела, что на нее заглядывались не только молодые парни «с атрибутами», но также их высокопоставленные отцы и деды – последние, правда, исключительно в эстетических целях.

Ко времени Ли́киного раннего, но с первого раза удавшегося замужества Вера была уже разведена с ее отцом (бывшим Вериным одноклассником), а второй муж – начальник архитектурного бюро, в котором Вера служила – по мере созревания падчерицы испытывал все большую опасность эротического свойства, исходящую от Ли́ки. Используя все свои немногочисленные связи, он отправил юную прелестницу от греха подальше – за границу на учебу «по обмену».

Тогда только-только начинались подобные путешествия за знаниями и заморскими впечатлениями (впечатлений, кстати, хотелось гораздо больше, чем знаний). Вериного мужа тоже больше беспокоил не Ли́кин интеллектуальный рост, а собственные моральные устои, которые готовы были немедленно пасть – достаточно Ли́ке подать какой-нибудь знак. Но девушка на отчима обращала столько же внимания, сколько и на своих неудачников-однокурсников по факультету биологии, которые стремились изучать предмет сугубо на примере Ли́киной анатомии.

Она была не просто красавицей – с огромными карими глазами, белоснежной кожей и густыми золотыми кудрями до талии, которые удалось сохранить даже под натиском вшиной орды. Впрочем, и талию, до которой кудри; и выдающуюся грудь; и круглую, упругую попу; и стройные длинные ноги – всю эту идеально пропорциональную красоту Анжелика ежедневно укрепляла с помощью аэробики. Силе воли девушки в этом смысле завидовали все подружки, поэтому

подруг у нее не было.

Их место занял молодой муж. Через два месяца после учебы в США по тому самому обмену Лика явилась домой, радостно сообщив, что выходит замуж.

– Анжелка, ты с ума сошла! Двадцать лет, все-таки, рановато для замужества. И сколько вы были знакомы – месяц? – допытывалась Вера Николаевна.

– Во-первых, мне скоро двадцать один. Ты меня, кстати, в восемнадцать родила, сразу после школы – не помнишь? Во-вторых, не месяц, а полтора. И, в третьих, Алекс – без пяти минут глава нашего торгпредставительства в Штатах, – парировала Лика.

– А почему сразу замуж? Можно ведь просто встречаться, – не сдавалась Вера.

– Мама, это отличный вариант, – терпеливо, как умственно отсталой, объясняла Лика. – Он даже лекции читает американским студентам, прикинь.

– Биологам? – удивилась Вера.

– Да нет же, – досадливо махнула рукой Лика. – Познакомились мы, конечно, не на лекции, а на вечеринке у общих знакомых.

– Сколько же ему лет, если он лекции читает? – подозрительно спросила Вера Николаевна.

– Тридцать один, – просто ответила Лика. – Да мам, ничего уже не изменится, слава богу – я беременна!

И дочь засмеялась, словно сообщала о том, что выиграла в лотерею.

На самом деле, почти так оно и было. Александр Петрович, как его с первого дня знакомства называла Вера, оказался хорошим мужем для Лики, и, что самое главное – отличным отцом для их дочери Ани. Лику он постоянно баловал, а Аню (кроме того, что баловал) – обожал. Он проводил с дочкой времени больше, чем любой другой мужчина из тех, которых Вера знала. И не просто возил Аню в цирк или в зоопарк – он играл с ней и разговаривал. За эту «успешность в отцовстве»

Вера зятя уважала больше, чем за его успешность в бизнесе.

Перестройка набирала обороты, а с ней и Александр Петрович. Он и по прежним понятиям был человеком далеко не бедным, но когда частный бизнес стало возможно вести открыто, дал всю развернуться своему предпринимательскому таланту. Конечно, он имел привилегии, и весьма существенные, во время приватизации предприятий, но, нужно отдать должное, свои фабрики и заводы он, как новый хозяин, не губил, а твердой рукой вел к неизбежному процветанию.

Сегодня в его концерн «Интерконтиненталь Групп» входили не только заводы, газеты и пароходы, но также самая большая сеть частных клиник «Целитель». По горькой иронии судьбы, даже это не могло сейчас помочь Александру Ольховскому, человеку из списка самых богатых людей страны, спасти свою дочь.

* * *

Вера набрала телефонный номер Анжелики.

– Лика, здравствуй, как там у вас дела? – Вера Николаевна старалась говорить ровным голосом.

– Ой, мам, привет, все отлично, погода чудесная, знакомых встретили, прикинь, реально Монако – большая деревня! – тараторила дочь. – А вы как? Все нормально?

– Аня приболела, – начала издавека Вера.

– Простудилась? Она так и ездит с откинутым верхом? Наверняка продуло. Мам, скажи ей, пусть не ходит пока на занятия, дома отлежится, никуда ее лекции не денутся! Ну все, пока, цем-цем, пора одеваться – мы приглашены на ужин!

В трубке раздались короткие гудки, и Вера растерянно крутила в руках телефон. Звонить снова? Они возвращаются только через неделю, а Максим Леонидович настаивает на немедленном начале химиотерапии. Вера не могла принять такое решение сама.

Пока она раздумывала, как построить беседу при второй попытке достучаться до затуманенного светским лоском сознания дочери, телефон зазвонил, и женщина вздрогнула от неожиданности. Это был зять.

- Добрый день, Вера Николаевна, - пророкотал он в трубку приятным баритоном. - Что там с Анечкой?

Вера помолчала - всего пару секунд, а он уже понял, что проблема серьезнее простуды.

- У нее телефон не отвечает, я набирал только что. В чем дело, Вера Николаевна? - напирал Александр Петрович, и Вера испытала острый укол вины - словно это она недоглядела, пропустила предательскую болезнь...

- Александр Петрович, думаю, вам стоит вернуться раньше.

- Вера, черт возьми, говорите прямо! - обычно не теряющий так быстро самообладания зять горячился. - С девочкой что, случилось несчастье?!

- Нет. Не в том смысле... То есть я хотела сказать, что это не несчастный случай, - торопливо начала объяснять Вера, словно оправдываясь. - Вчера она упала в обморок, и мы поехали в больницу. Выяснилось, что у нее серьезная болезнь. Ее обследовали, а сейчас она спит, телефон я отключила, чтобы никто не беспокоил.

- То есть, моя дочь сейчас в больнице, - уточнил Александр Петрович.

- Да.

И потом он задал самый страшный вопрос:

- В какой?

- Аня в институте онкологии.

Он помолчал, справляясь с новой информацией. И сказал:

– Вера, мы будем в больнице максимум через шесть часов. Ждите нас там. Ничего пока не предпринимайте. Я позвоню, когда приземлимся.

* * *

Аня читала книжку, когда в палату вошли родители. Она сначала обрадовалась, а затем удивилась:

– Пап, мам, привет! Вы почему вернулись раньше?... Из-за... меня?

Отец подошел к Ане и обнял ее:

– Все будет в порядке, дочка. Мы уже разговаривали с твоим врачом, и еще я связался с очень хорошей клиникой в Германии. Думаю, мы отправимся туда в ближайшие дни.

Аня серьезно посмотрела на родителей. Отец выглядел озабоченным и словно больным. Лица – даже Аня так часто называла маму – старалась сдержать слезы, запрокидывая голову, чтобы слезы не размыли тушь на ресницах.

– Ну, вот что, – девушка отстранилась от отца и присела на койку. – Давайте перестанем темнить, я уже взрослая девочка. У меня рак?

Она смотрела прямо в глаза бабушки. Та отвела взгляд и под села к Ане:

– Деточка, ну еще ничего не ясно. Папа хочет показать тебя лучшим врачам...

– Да каким еще врачам, бабушка! – взорвалась та. – Мы уже двое суток обследуемся, и я сдала литру три разных анализов! Диагноз уже давно поставлен, может, все-таки начнем лечение, вместо того, чтобы пытаться найти оправдание вашему страху и нежеланию поверить в реальность?!

Родные Ани словно окаменели. Никто не ожидал от нее такой резкости и... правоты. Она была права – во всем.

Никто не хотел говорить ей правду – может, этот заговор молчания словно делал беду нереальной, и она, не проговоренная вслух при Ане, отступала и уменьшалась в размерах. Казалось – заговори они сейчас о болезни, как беда поселится навсегда в их уютном и защищенном мире, оказавшемся таким уязвимым.

И уже никогда жизнь не будет прежней.

Отец подсел к Ане и взял ее руки в свои. Заглянул в глаза.

– Аня. Врачи говорят, что у тебя опухоль мозга.

Девушка дернулась, словно ее ударило током, но попросила:

– Продолжай, папа.

– Они считают, что нужно немедленно начинать химиотерапию. Думаю, нужно послушать их, а затем все-таки отправиться на консультацию за границу.

– Алекс, а ты не можешь пригласить профессора в нашу страну? Ну, чтобы не возить Аню туда-сюда... – внезапно высказала здравую мысль Лика, и все удивленно на нее уставились.

– Пожалуй, надо такой вариант обдумать. Действительно, устроим консилиум здесь, у нас условия ничуть не хуже. А чего нет, достанем и доставим.

* * *

– Бабушка... Я догадывалась с самого начала, что мои дела плохи. Но... надеялась, что пронесет, – Аня попыталась улыбнуться, но губы задрожали, и она разрыдалась.

Шла уже вторая неделя химии. Аня плохо ее переносила: ее постоянно рвало. После того, как добавили облучение, волосы начали стремительно выпадать. Вера пригласила в палату парикмахера, и та соорудила на внучкиной голове стильный ежик, который удивительным образом ей шел. Огромные, с

шоколадным оттенком глаза на худеньком лице, казалось, стали еще больше, и у Веры щемило сердце при каждом взгляде на внучку: такой незащищенной, трогательной и юной выглядела она, в своей розовой шелковой пижамке, с тонкими прозрачными руками...

И профессор из Германии, и другой – из Канады, и остальные пять светил онкологии в один голос заявили, что операцию делать слишком поздно. Оставалась слабая надежда на химию да на лучевую терапию. Но после первых результатов Максим Леонидович пригласил Веру в свой кабинет и сообщил:

– Три месяца.

Сообщил правильным тоном, каким уже сотни раз сообщал родным больных сроки, оставленные судьбой для их близких.

Вера вернулась в палату, в которой почти все время находилась рядом с внучкой. Иногда ее сменяла Анжелика, но от нее было мало толку: она все время плакала, но не могла ни подставить судно, ни остановить капельницу.

Вера же просто физически не могла бросить Аню – ей казалось, что, уходя из больницы, она оставляет в палате номер двенадцать свою душу, и бродила по городу, как робот: заехать в свою квартиру, взять то; заехать в особняк, взять это... Купить книгу. Зайти в супермаркет за любимыми Анины конфетами. И вспомнить, что Аня не может ни читать, ни есть. И что она медленно умирает, а вместе с ней – Верино сердце.

За окном стремительно темнело: стояло то время года, когда вечер наступает внезапно, как ночь в пустыне.

– Не включай свет, бабушка, – попросила Аня. Она лежала на белоснежной постели, Вера видела лишь ее яркие глаза. Присела рядом, взяла внучку за руку и легонько сжала ее.

– Не тошнит? – спросила, нежно поглаживая ежик на Аниной голове.

– Я уже не знаю... Мне все время плохо.

Они помолчали.

- Папа постоянно спрашивает, чего я хочу, словно торопится исполнить мое последнее желание.

- Аня... - начало было Вера Николаевна, но Аня остановила ее взмахом руки.

- Не надо, бабуль. Вы скрываете от меня правду, но я чувствую, что умираю. И у меня нет - веришь? - нет никаких желаний! Папа все мои желания предупреждал. Да я уже почти весь мир объездила благодаря ему!.. Знаешь, я хотела бы лишь одного...

Аня сделала неловкую паузу и печально улыбнулась - наверное, улыбнулась, потому что Вера плохо различала в полутьме ее лицо. Лишь догадалась, что речь пойдет о самом сокровенном, и ласково погладила Аню по руке, как бы поощряя - продолжай, родная, говори, мы на все готовы ради тебя.

- Лишь одного, - повторила Аня. - Понять, что значит - любить. Любить парня, ходить на свидания... У меня ведь ни разу в жизни не было таких отношений - ну, как в кино. Или в книжках. Ну, знаешь: «Я не думаю о тебе только тогда, когда ты рядом»... Не помню, где я это прочитала, но так всегда хотелось это испытать. Господи, как жаль, что - не успею...

Ее голос на последних словах зазвенел и сорвался. Слезы брызнули из глаз, и она глотала соленые струйки, плача над своей несбывшейся любовью.

Глава 2

Ранние заморозки укрыли серое сентябрьское утро серебристым покрывалом, и это непривычно тихое для города время перед рассветом наполнялось какой-то звенящей торжественностью. Сергей зашел на территорию автопарка и направился к водителям, кутившим возле гаража.

- Привет, - сказал всем одновременно, но за руку начал здороваться со всеми по очереди.

– Доброе утро, Серый, – ответили несколько голосов. Сергей старался тщательно соблюдать негласный устав поверхностно-приятельских отношений, но за три года так и не стал своим. Его не принимали, как равного, но и не отталкивали, словно изгоя. Он был просто другим, водители это чувствовали, но то, что Сергей не пытался демонстрировать свое превосходство, одновременно и вызывало уважение, и раздражало.

– Ну все, смена начинается, по машинам, – Андрей Иванович Прилипко, начальник автопарка, вышел из ворот гаража и задержался возле Сергея:

– Как там брат? Не образумился еще?

– Я его не видел с воскресенья – у нас разные рабочие ритмы, – не то сообщил, не то пошутил Сергей.

Начальник хмыкнул и ободряюще похлопал Серегу по плечу, слегка подтолкнув к чистенькому микроавтобусу – самой образцовой машине парка. Сергей открыл дверь, завел мотор и отправился на свой маршрут номер двести сорок пять, «рынок-вокзал».

Начальнику автопарка Сергей приходился крестником, и хотя лучшего друга Андрея Ивановича, Игоря, уже почти двадцать лет как не было в живых, Андрея судьба Игорешино сына неизменно заботила. Когда тот бросил один вуз, потом второй, Прилипко явился к нему домой на разговор.

– Серега, ты, вроде, машины любишь?

– Ну, да, нравится с ними возиться.

– Может, пойдешь пока к нам? Сдашь на категорию, и начнешь работать. Зарплата хорошая, будет матери помощь. А через годик-другой денег на учебу подсоберешь и выучишься, наконец.

Тогда это показалось хорошим решением. Серега, закончив школу, поступил в университет на физико-математический факультет, но после первого семестра перевелся в политех, а через полгода бросил и этот вуз. Парень учился легко, проблема была в другом. Он чувствовал себя, наверное, самым бедным

студентом страны: даже чернокожие покорители науки из дружественных, но нищих стран могли позволить себе такси и ужин в ресторане, Сереге же всю стипендию приходилось растягивать на месяц. Иногда удавалось подработать промоутером, чтобы подкинуть денег матери. В эти моменты он ловил в ее глазах благодарность, и Сереге хотелось плакать от бессилия. Нужно было идти работать, чтобы помочь семье.

Сейчас трудно поверить даже фотографиям, что в молодости его мать, Мария Сергеевна, была писаной красавицей. Сыновья – Сергей и Вадим – родились один за другим. Сергей помнил отца: большого, сильного и веселого. Он приносил детям только появившиеся тогда вкусные, но дорогие шоколадные батончики, и помнил, как мама ругала папу за это расточительство.

С работой у родителей тогда было не просто трудно, а невозможно: папин институт закрыли, его коллеги начали мотаться в Польшу и стали «коммерсантами». У папы стать коммерсантом никак не получалось, но он служил в Афганистане, был смелым и бесшабашным, поэтому взял и пошел в службу охраны – в 90-е годы, когда вся страна «строила перестройку», как говорил дед. Отца убили в уличной перестрелке через два месяца после начала «службы».

С тех пор Мария Сергеевна тянула сыновей одна, работая корректором в издательстве и постоянно таская домой какие-то халтуры – рукописи, книги, журналы, читая их ночами на кухне. Они жили вместе с дедом в его квартире, когда-то престижной – лет пятьдесят назад. Теперь это была просто старая трехкомнатная квартира возле огромного парка, больше похожего на лес.

Десять лет назад у Марии случилась любовь с заказчиком. Дети подросли, у нее вдруг появилось немного свободного времени, и она, истосковавшись по мужчине – не только и не столько в физиологическом смысле, сколько в психологическом, бросилась в этот роман с головой. Она ведь вообще забыла, как это – быть вдвоем с мужчиной, греться возле его силы и надежности.

Неискушенная Маша не успела даже понять, что ее избранник был мужчиной как раз только физиологически. Он оказался банально женатым, и вскоре навсегда как сон, как утренний туман исчез из ее жизни, оставив на память совместную дочурку Катю.

Сергея всеми силами хотел помочь матери, отправить ее с Катюхой в отпуск на море, поменять мебель в доме – но денег почему-то все время не хватало. Долго и тяжело болел дед, дефицитные лекарства стоили дорого, пришлось залезть в долги (которые мать, кстати, выплачивает до сих пор). Лечить деда не помогал никто: былые заслуги обычно никто не помнит, да и кому сейчас нужен профессор русской литературы, особенно больной и старый? Они поддерживали в нем жизнь изо всех сил, но дед все-таки умер минувшей весной, и Серега горевал и скучал за ним до сих пор.

Именно благодаря деду он научился водить машину – старенькие жигули. Они уже давно покоятся на свалке, но Сергей помнил, как дед терпеливо учил его, подростка:

– Тормозить можно не только тормозом, а еще и коробкой передач. Давай, покажу?

– Конечно, дед!

Жигули скрипели, но все-таки выдерживали их крутые виражи, Сергей радовался удачным маневрам, и дед, казалось, молодец за рулем...

* * *

Сергея тоже любил водить машину. «Управлять машиной», – говорил дед. Парню нравилось встречать знакомых пассажиров, улыбаться им, нравилось даже останавливаться в неполюженном месте и открывать двери старушкам с тяжелыми кошелками. Пришел в автопарк на год, а задержался уже на три, и всерьез думать о будущем пока не решался. В политех он уже не хотел. Дядя Андрей советует идти в автотранспортный, и, может, он попробует поступить туда. В следующем году.

Вот накопит денег, и тогда... Что будет тогда, он пока не мог решить.

Он и дни свои не разбрасывал со щедростью, обычно свойственной юности. Сергей их словно копил, надеясь в будущем произвести выгодный обмен. Работал в полторы смены, и первый семейный отдых на море уже маячил вполне реальной перспективой.

В путь тронулся с приподнятым настроением, но к восьми часам уже немного устал: пассажиров становилось все больше, люди спешили на работу, в маршрутку садились по большей части хмурыми и озабоченными, несмотря на дивный солнечный день. Отличный день для прогулки, но совершенно обычный – для работы, особенно если едешь по одному и тому же маршруту третий год.

«Меняю тысячу прилежных рабочих дней на счастливую встречу с прекрасной блондинкой», – пошутил про себя Серега. Остановился, взял пассажиров, среди которых заметил стройную красотку в розовом коротеньком плащике, с длинными белокурыми волосами.

– Молодой человек, не подскажете, когда остановка «Заводская»? – раздался над ухом серебристый голосок, когда машина тронулась. Сергей чуть скосил глаза в зеркало – возле него стояла та самая блондиночка.

– Подскажу, сударыня. Вам следует выйти на четвертой остановке, которая будет сразу после того, как мы проедем красочную вывеску кафе «Пончики и пышки». Но вам, наверное, подобные заведения не знакомы?

Девушка с интересом смотрела на парня. Красавец. Похож на какого-то иностранного киноактера – кажется, голливудского. Ну да, конечно, какого же еще! Голубые насмешливые глаза, крупные черты лица, очень короткие волосы – такая банальная стрижка, но ему чертовски идет.

– Почему это – незнакомы?

– Потому что такие стройные красавицы питаются только нектаром и амброзией, а это явно не подают в «Пончиках и пышках».

Девушка рассмеялась:

– Вы лучше на дорогу смотрите, а то еще проедете мою «Заводскую»!

– А давайте знакомиться. Меня, например, Серегой зовут. А вас?

– Настя, – призналась блондинка.

- Учитесь где-то?

- Да, в медицинском!

- Пойдете со мной на свидание? – спросил Сергей. Просто так спросил, ради социального эксперимента. Еще не было случая, чтобы яркая красавица-студентка, тем более медицинского института, согласилась на свидание – с ним.

Девушка замялась, смутилась и промямлила:

- К сожалению, не получится, у меня лекции, и вообще, я так занята...

- Да ладно, понятно все, – Сергей ухмыльнулся. – Вот, кстати, и «Заводская», счастливо вам!

Девушка с явным облегчением взмахнула рукой на прощанье и быстренько выбралась из маршрутки.

И эта, значит, «русалка» посчитала, что «дельфин» – то бишь водитель маршрутки – ей не пара. В этом была еще одна проблема Сереги. У него никак не получались нормальные отношения с девушками. Те, к которым он тянулся, искали мужчин более состоятельных и «подающих надежды». Как сказала ему одна девица на третьем (и последнем) свидании, с которой он познакомился на свадьбе одноклассника: «Ты, небось, и в Турции-то никогда не был! Что ты можешь мне дать?»

А что он мог дать? Пока что, к сожалению, лишь свою готовность любить, поддерживать и подставлять плечо. Но, как оказалось, девушкам его мечты этого было мало. Поэтому приходилось довольствоваться отношениями с Ирккой, молоденькой кассиршей из соседнего супермаркета, которой было достаточно одного Сереги – без материальных и статусных приложений. Ирка жила по соседству и была разбитной современной девицей с добрым сердцем. Правда, насчет «поговорить» были значительные затруднения, и Сергея этот дисбаланс тяготил, но отношения пока разрывать не собирался. У каждого должен был кто-то. И у Сереги – тоже. Кто-то, кто хотя бы выслушает. Кто всегда будет на его стороне. И, в конце концов, тот, кто всегда согласен на бесплатный секс.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/lyudmila-volok/sdelka-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)